

Конечно, в настоящее время они все больше воспринимают общепонимный вариант культуры, но различия между рюкюсцами и японцами до сих пор остаются довольно глубокими, а потому есть все основания считать рюкюсцев народностью, пусть даже ассимилируемой японцами. В дополнение к перечисленным народам, живущим в Японии, назову еще небольшую группу южных ороков.

Работу С. И. Брука заключает алфавитный список народов, их численность на середину 1978 г. (с. 868—880). Очень жаль, что отсутствуют необходимые указатели (в таком издании их должно бы быть несколько) и список литературы. Понятно, однако, что это вызвано ограничением листажа книги.

Как всякое серьезное исследование, работа С. И. Брука будит мысль, заставляет еще и еще раз обращаться к актуальным проблемам этнической демографии. В частности, некоторые соображения, высказанные мною выше, как раз и возникают в результате обращения к материалам книги. Но сколько-нибудь существенных претензий к ней предъявить невозможно.

Появление такой книги отражает высокий уровень этнодемографических исследований в СССР, в становлении и развитии которых автору рецензируемой монографии по праву принадлежит одно из ведущих мест.

Все сказанное выше дает право однозначно высоко оценить исследование С. И. Брука⁶. Оно необходимо как ученым, так и широкому кругу читателей, ибо помогает изучать этнодемографические проблемы современного мира, уверенно ориентироваться во многих сложных этнических и конфессиональных ситуациях, получить точный, надежный справочный материал по самым различным вопросам численности, расселения, а также расовой, языковой и религиозной принадлежности народов мира.

А. М. Решетов

⁶ Книга уже получила высокую оценку. См., например, рецензии: Покишиевский В. В. Этнодемографическая панорама мира.— Коммунист, 1982, № 4; Шевеленок А. Я., Брук С. И. Население мира.— Вопр. истории, 1982, № 3.

Л. А. Файнберг. У истоков социогенеза. От стада обезьян к общине древних людей. М., 1980. 153 с.

Происхождение человечества всегда было актуальной и волнующей темой. Выход в свет каждого нового научного труда в этой области неизменно привлекает к себе пристальное внимание широчайшей читательской аудитории, особенно благодаря новейшим археологическим и антропологическим открытиям, значительно удвояющим и усложняющим «корни» человеческого рода и его культуры. С расширением масштабов данной проблематики сложнейшим для специального исследования остается, как и прежде, начальный период социогенеза. Его комплексное, междисциплинарное изучение в нашей науке, особенно за последние 15 лет, привело к сложению целого спектра различных хорошо аргументированных точек зрения на соотношение биологических и социальных факторов в зарождении первобытного общества¹. Именно этой ключевой проблеме посвящена рецензируемая книга.

Основное содержание работы Л. А. Файнберга раскрывается в трех главах, в которых последовательно рассматриваются сообщества обезьян, поведение стайных хищников, культура ранних гоминид в качестве источников для реконструкции начала социогенеза. Читателям, в разной степени знакомым со спецификой дискуссий и изысканий такого рода, хорошим ориентиром служит предпосланное книге предисловие ее ответственного редактора акад. А. П. Окладникова.

Емкая в информативном отношении книга при сравнительно небольшом объеме содержит обширный тщательно проанализированный фактический материал, полученный в ходе новейших исследований приматологами, этологами, представителями ряда других наук, поскольку основная особенность авторского замысла состояла в том, чтобы, избегая «прямой проекции животных объединений на человеческие коллективы» (с. 10), выявить «отдельные элементы возможных форм организации древнейших и древних гоминид, предпосылки которых могли существовать в структуре объединений животных» (с. 8).

В реализации замысла Л. А. Файнберг следует новым тенденциям современной приматологии, обратившейся к изучению жизни обезьян в естественных для них условиях, с широким применением статистики и других методов, повышающих точность суждений о стадных взаимоотношениях у приматов. Поскольку формы этих взаимоотношений многообразнее и пластичнее тех, что наблюдались в вольерах и клетках, соответственно меняются представления о типах стадной организации, о значении гаремных и парных семей, об «избегании» инцеста, о конфликтных ситуациях и агрессивном поведении, о зоологическом индивидуализме и взаимопомощи особей в конкретных сообществах современных обезьян и по аналогии в гипотетических сообществах антропоидов тре-

¹ Семенов Ю. И. Как возникло человечество. М., 1966; Кожин П. М., Фролов Б. А. Симпозиум по проблеме «Становление человеческого общества». — ВДИ, 1968, № 4, с. 171—179; Перишц А. И., Монгайт А. Л., Алексеев В. П. История первобытного общества. М., 1968; 2-е изд. М., 1974; Борисковский П. И., Григорьев Г. П. Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л., 1977.

тичного периода — предшественников ископаемых гоминид. Конечно, далеко не всякая аналогия, построенная даже на безупречных с точки зрения биолога материалах, оказывается при рассмотрении проблем социогенеза достаточно корректной. Поэтому тем ценнее критика автором ряда таких аналогий с позиций историка первобытного общества.

Для реконструкции истоков социогенеза важным объективным основанием автору служит следующий момент, констатация которого сходна у многих исследователей: сообщества низших и человекообразных обезьян имеют гибкую структуру отношений между особями, стабильно сохраняющую одни черты и чутко реагирующую варьированием других на многообразные изменения условий существования. Так, характерной чертой стад у разных видов обезьян является относительно большая стабильность женской части стада и мобильность мужской (с. 26). Многие японские исследователи разными путями пришли к выводу о весьма длительном сохранении у взрослых особей тесных связей с матерью в стадах макак; если в обычных условиях контакты между родственными животными достигают 50% от общего числа, в периоды голода контактность их возрастает до 70%. В сезоны же размножения растет число групп, включающих в свой состав «чужаков», и соответственно снижается процент контактов между родственными особями. Особый интерес представляет подчеркнутая в книге (с. 28—29) близость выводов, сделанных по материалам многолетних наблюдений в СССР и Японии, о доминировании «линии самок» в сообществах обезьян на разных стадиях процесса накопления, закрепления и передачи из поколения в поколение новых привычек и навыков поведения. Если в экологическом отношении связывать начало гоминизации с резким изменением природных условий третичного периода (наступление саванны на леса), потребовавшим сравнительно быстрой перестройки пищевых и прочих поведенческих стереотипов у антропоидов, то можно согласиться с автором в утверждении ведущей роли «материнского ядра» как наиболее стабильной части стада, хотя вряд ли оправданно определение роли самок как «творца» новых привычек (с. 29).

Нужно отметить, что повышенное внимание к экологической обстановке зарождения и становления древнейших биосоциальных объединений порою создает впечатление о возможности правильного решения проблемы посредством аналогий между гаремной семьей (например, гамадрилов) и пресоциальной организацией прегоминид или даже социальной гоминид (Дж. Гартлан, К. Брейн)². Тщательный анализ приматологических и экологических данных позволяет Л. А. Файнбергу показать неоднозначность вариантов приспособления современных обезьян к особо неблагоприятным изменениям в условиях среды обитания. В некоторых случаях адаптация ведет к усилению жесткой, иерархичной организации сообщества, связанной с физической и поведенческой специализацией особей, стимулирующей их агрессивность: такие варианты наблюдались при искусственных скоплениях многих животных на небольшом пространстве (в клетках зоопарков) и на воле — в экстремальных условиях полупустынь. Не исключено, что для низших обезьян, питающихся лишь растительностью, такие варианты адаптации оказывались оптимальными.

Однако (и это убедительно показано в книге) возможны иные варианты адаптации, связанные с систематической охотой, которая, за исключением охоты на самых мелких животных, требует объединения усилий нескольких самцов, способствует развитию контактов и взаимопомощи в стаде приматов, сохранению целостности его структуры (с. 33). Судя по наблюдениям за сообществами шимпанзе и павианов на границе леса и саванны в Африке, в их организации и поведении выявляется больше соответствий современным представлениям о наиболее вероятных особенностях жизни прегоминид, чем у лесных шимпанзе и павианов полупустынь.

Наблюдение таких феноменов, как передвижение антропоидов в саванне без помощи передних конечностей; изобретение и варьирование новых приемов для достижения целей (в том числе с использованием орудий); согласованные действия группы (с использованием палок) при угрозе нападения хищника приобретает особое значение, когда речь идет о развитии между членами сообщества разных видов ориентации, выгодных для поддержания их совместного существования. Поведение при охоте носит групповой характер, проявляющийся в разных способах преследования дичи несколькими обезьянами до раздела добычи и общей «трапезы», — таков итог изучения за последние 15 лет стадной жизни шимпанзе и павианов в различных районах их обитания (Ганзания, Кения). По наблюдениям Ш. Страма, например, стадо павианов, ранее загонявших антилопу, преследуя ее эстафетой поочередно, затем научилось и стало все чаще загонять животное к засаде, где прятался один из павианов. Многочисленные свидетельства, обобщенные автором (с. 70—78), дают достаточно оснований для вывода о значительном влиянии охоты на развитие групповых отношений и рассудочной деятельности. По сравнению со стайными хищниками (львы, волки, гиены и др.) прегоминиды, уступая им в скорости бега, остроте когтей и зубов, чтобы выжить в плиюеновой саванне, неизбежно должны были использовать срудия для охоты и обороны.

Очевидно, лишь прегоминиды, а затем ранние гоминиды могли активизироваться в своей рассудочной деятельности одновременно двумя мощными взаимостимулирующими факторами, какими были совершенствование охоты и орудий для нее. Подход к этому тезису намечен (с. 59—61), хотя сама идея заслуживает, видимо, более подробной разработки. Ведь по существу переход к археологическому аспекту темы невозможен без «двуединой» (охотничье-орудийной) трактовки памятников нижнего палеолита. Дрезнейшие каменные орудия обычно находят в той или иной связи с костями крупных

² Gartlan J. and Brain C. Ecology and Social Variability in Cercopithecus Aethiops and Cercopithecus Mitis.— Primates. N. Y., 1968, p. 282—283.

животных, добытых на охоте, и множество достоверных фактов такого рода дает объективное основание для дальнейшей их интерпретации в связи с источниками социогенеза и становления первобытного общества.

В самой обширной завершающей главе книги рассмотрены важнейшие памятники олдувая, ашелья, мустье и, наконец, верхнего палеолита (где в центре внимания автора общинные жилища с женскими статуэтками).

В целом в работе Л. А. Файнберга оригинально и успешно выполнен его основной замысел. С одной стороны, в ней убедительно показана положительная роль ряда биологических предпосылок в организации и групповом поведении обезьян, особенно антропоидов, для возникновения социальной организации формирующихся людей, облегчавшая под воздействием охотничье-трудовой деятельности формирование норм коллективизма в производстве и потреблении, локально-групповой экзогамии при стабильном женском ядре группы и т. д. С другой стороны, констатируется постепенное уменьшение роли биологических предпосылок за счет растущей роли социальных факторов в становлении первобытного общества и его развитии до селения в верхнем палеолите общинно-родового строя «единого в своих основных закономерностях, но многообразного в формах конкретного воплощения» (с. 129).

Насыщенность книги рабочими гипотезами и в итоге ее дискуссионность неизбежны при плодотворной разработке сложнейшей из проблем первобытной истории.

Рецензируемой книге можно предъявить немало претензий. Терминологическая нечеткость: в III главе мустье автор относит к среднему палеолиту, а в заключении включает в нижний палеолит (с. 129); среднему и позднему ашелью приписываются «первые следы религии» (с. 87), хотя речь идет, по нашему мнению, всего лишь о свидетельствах внеутилитарной деятельности ашельцев, не имеющих пока устойчивейшей интерпретации. Отдельные утверждения, по современным представлениям, недостоверны: ашельский возраст комплекса в Бауза (с. 87), остатки мустьерского жилища в Ильской (с. 105). Нет общанного автором (с. 10) сопоставления планировки древнейших жилищ с соответствующими данными этнографии.

Выделяя жилища палеолита как важнейший источник реконструкции социальной жизни ископаемых гоминид (с. 96—111), автор мог полнее использовать богатейший опыт советской школы палеолитоведения, которой собственно мировая наука обязана и первыми открытиями верхнепалеолитических и мустьерских комплексов жилых сооружений под открытым небом, и методикой их изучения и интерпретации, вообще признанием «палеосоциологического»³ направления в первобытной археологии. Судя по замыслу работы, читатель вправе был ожидать встретить в ней более широкий круг этнографических и антропологических материалов. Палеоневрологические исследования эндокранов ископаемых антропоидов и гоминид⁴ могли бы дать автору дополнительную аргументацию о развитии рассудочной деятельности как фактора регуляции внутригрупповых отношений, поскольку он солидарен с утверждением Л. В. Крушинского: «Ум не определяет образа жизни животных, но форма их общественных отношений определяется умом» (с. 23).

Последнее обстоятельство представляется существенным особенно для тех звеньев предпринятой Л. А. Файнбергом исторической реконструкции первоначального человеческого общества и его пролога, применительно к которым (при дефиците достоверной информации) доказательства наиболее затруднены. Между тем после трудов Ч. Дарвина, В. М. Бехтерева и ряда советских исследователей функции рассудочной деятельности животных удается проследить экспериментально во взаимосвязанном поведении группы человекообразных обезьян, совместно решающих сложную для них задачу⁵. Эти данные также говорят в пользу выдвигаемых автором утверждений, которые отчетливо отражают тенденцию к продуктивному взаимодействию в изучении истоков социогенеза, наметившуюся в археологии и истории первобытного общества, с одной стороны, а с другой — в биологических науках, в рамках которых изучаются ближайшие родоуподобники человека.

Думается, рецензируемая книга отражает и определенный этап перехода в этой области познания от общих предположений и гипотез к конкретному анализу сходных или близких по значению элементов биологических и социальных структур в их связях и динамике на заре человечества (не теряя из виду принципиального качественного различия биологических и социальных феноменов). Как уже говорилось, дискуссионность выводов книги — одно из достоинств: она будит мысль, предрасполагает к продуктивному совместному размышлению ученых разных дисциплин в бурно развивающейся ныне области самопознания человечеством своих истоков.

Б. А. Фролов

³ Bordes F. Le Paléolithique dans le monde. P., 1968, p. 7.

⁴ Кочеткова В. И. Палеоневрология. М., 1973.

⁵ Фирсов Л. А. Поведение антропоидов в природных условиях. Л., 1977, с. 103, 116, 145.

Общество и природа. Исторические этапы и формы взаимодействия. Отв. ред. академик Ким М. П. М.: Наука, 1981. 344 с.

В основу рецензируемой книги (редакционную коллегию составили Ю. В. Бромлей, Б. В. Андрианов, Э. В. Гирусов, Л. В. Данилова, Е. П. Дятел, В. Д. Есаков) легли доклады и сообщения на секции «Проблемы исторического развития и взаимодействия общества и природы» I научной конференции по проблемам взаимодействия общества и